

вождении какого то чиновника из охранки, осмотревши меня всего, сказал:— „Да-с, да-с,—как мы богаты, редкий, редчайший случай, но позвонок, смотрите какие шишки,—это редко, крайне редко и, пожалуй, интересно... тут больно... тут больно...“ и он стал как на клавишах играть на моем интересном позвонке, а я свету не взвидел и даже отвечать не мог от ужасной боли...

— Очень, очень интересно и крайне редко... На солнышко нужно, на солнышко, грязи, лиман, особо усиленное питание, уход, вот эти лекарства,—и он написал рецепты,—и длительное, тщательное лечение... Прощайте-с молодой человек, мужайтесь!

А какой там чорт мужаться—я лежал как пласт и все у меня ныло, болело, и я обливался холодным потом. Приехавший чин из охранного отделения вместе с больничным доктором что-то шептались между собой и уходя знаменитость оглянулась в мою сторону, улыбнулась и произнесла:

— Поедете скоро, поедете... на солнышко...

— Скорей в могилу,—подумал я.

От всех этих осмотров мне сделалось хуже.

Прошло еще недели две-три, боли мои немного стихли, я как-то примирился с своей участью, ко мне пришли мои родственники, тюремный доктор, смотритель тюрьмы объявили мне, что меня освобождают. Я воспрянул духом. Даже встал кое-как, оделся, вещей собрать не мог, подписал какие-то бумаги и меня повезли на квартиру к родственникам, где я опять лег. Через неделю мне объявили, что меня высылают... на солнышко... в

северные места Вятской губернии на три года. Я расписался, что читал эту бумагу и подумал:

— Ну и ну, поедем на „южные“ курорты охранного отделения—умереть можно и там, не только в Москве.

Через неделю, будучи совершенно больным, я двинулся в Вятскую губернию в сопровождении жандармов. Болел долго, но потом мне стало лучше, но позвонок не сгибается, вот почему, дорогой мой друг, я должен ежедневно и на всю жизнь принимать позу журавля, когда одеваюсь, дабы мог бы всегда вспоминать верного охранника Зубатова и казенную квартиру его величества.

VI.

Встреча с Г. В. Плехановым.

Вскоре Вац. Вац. познакомился у меня с Георг. Валент. Плехановым и очаровал его своей воспитанностью, начитанностью, знанием языков—Вац. Вац. прекрасно владел всеми европейскими языками и будучи особенно способным к лингвистике как то на ходу изучал языки, и именно в это время занимался, дабы усовершенствоваться, итальянским языком.

При этом случайном свидании и Вац. Вац. и Плеханов были в ударе и остроты сыпались искрометным дождем и Георг. Валент. стал требовать от Воровского, чтобы он писал для „Искры“.

— Спина болит, Георгий Валентинович, отговаривался он,—куда там, все суставчики, все косточки ноют. Нам, старикам, отдохнуть нужно, это

вы вот, молодежь, в каждом номере кого-либо на обе лопатки кладете...

Но промежду этих взаимных шуток завязался серьезный разговор об искусстве, которым Георг. Валент. усиленно и много тогда занимался, намереваясь в Лозанне читать лекции об искусстве, что после и сделал.

Георг. Валент. приятно был поражен, обнаружив у Вац. Вац. большие знания в вопросе об искусстве и тотчас же пригласил его приходиться к нему запросто побеседовать, погулять, потолковать. Мы часто ходили в то время с Георг. Валент. куда либо поблизости около Женевы и одно время Вац. Вац., пока не уехал куда-то в горы отдохнуть и полечиться, всегда участвовал в этих прогулках, внося оживление, остроумную беседу, и многогранность интересов нашей, в то время еще малочисленной, жевевской группы с. д. эмигрантов, резко порвавших с так называемыми экономистами (Работники на большечельцами).

VII.

Раскол с. д. партии.

Так подступило время второго партийного съезда, окончившегося расколом российской соц. дем. рабочей Партии на большевиков и меньшевиков.

Хотя все мы сознавали, что „чему быть, тому не миновать“, но какое то невольное жуткое чувство охватывало душу, когда в сотый раз приходилось думать и обсуждать: к чему стремились из всех сил, единой партии—нет. Есть несомненный

раскол. Экономисты, рабочедельцы, бундисты,—потирают руки. Они объединены, искровцы распались. То твердое и могучее, что было только что,—исчезает. Чем все это кончится—вопрос и большой вопрос. И первое время мы, победители-большевики—за нами большинство съезда,—чувствовали себя далеко не героически, скорей даже как то пришибленно. Трещина в Партии чувствовалась повсюду, и трещина глубокая. В наших руках была формально вся техника: типография, экспедиция, транспорт, но на самом деле повсюду проявлялся саботаж: типография не выполняла то, что нужно, ставила невероятные материальные требования, создалось что «меньшевики» идут на истощение кассы; тысяча мелких уколов, капризов, все это создавало неблагоприятную, нездоровую атмосферу работы.

К каждому товарищу пришлось подходить с осторожностью, прежде всего нащупывая его отношение к самому важному для нас вопросу: с кем он, каково его мнение о съезде, о резолюциях, о расколе? Кто он: большевик или меньшевик? Вчерашние друзья делались подозрительными, осторожными, мнительными и нередко после первой же беседы приходилось расставаться с ними более чем холодно. Владимир Ильич был грустен, озабочен и сильно-сильно задумчив.

Вот в эти то тревожные дни Вац. Вац. возвратился с своего отдыха и почти прямо с вокзала зашел ко мне. И я и покойная Вера Михайловна Величкина, еще в первые дни его приезда сильно привязались к нему и мы очень обрадовались его